

№ 8

ФАНТАСТИКА
И ДЕТЕКТИВЫ

12+

Сборник
Журнал «Фантастика
и Детективы» №8
Серия «Журнал «Фантастика
и Детективы»», книга 8

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8325532

Журнал «Фантастика и Детективы» №8: ООО «ЭкоПресс»; М.; 2013

Аннотация

В номере: *Ника Батхан*. Сказка блошиного рынка *Наталья Анискова*. Лепреконы в Москве не водятся *Вера Сучкова*. Паровозик *Жаклин де Гё*. Зеркало *Вадим Вознесенский*. Мира твари *Петр Любестовский*. На лесном кордоне *Владимир Компаниец*. Куколки-малышки

Содержание

Сказка блошиного рынка	5
Лепреконы в Москве не водятся	15
Конец ознакомительного фрагмента.	20

**Коллектив авторов
Журнал «Фантастика
и Детективы» №8**

**Сказка блошиного рынка
Ника Батхан**

Ника Батхан

28 сентября 1974 г.

...У меня в руках сокровище

У меня полны ладони разноцветного стекла...

Тикки Шельен

Грету звали торговкой сказками. «Торговка» – громкое слово: у порядочного торговца должна быть тесная лавка, заставленная товаром, лоснящийся усатый приказчик или сдобненькая приказчица, толстый кот у порога и колокольчик над дверью. А у Греты был полог, пестрый коврик – и всё. Она плела шкатулки из желтого камыша, лепила глиняные кувшинчики, вырезала и клеила сундучки из обломков старинной мебели, шила мешочки из обрезков атласа и бархата. День и ночь сновала по городу, просиживала юбки на отмелях, ошивалась на барахолке, бродила по заброшенным садам и даже лазала в крепость, не пугаясь ни призраков, ни чумы. Чего только ни находилось у Греты – монеты со стертymi профилями, ржавые гвоздики из подков, погнутые колечки, самоцветные камешки, спелые орехи, обкатанные морем пестрые стекла, ягоды можжевельника и рябины, крохотные розовые ракушки, птичьи перья, крылья стрекоз и змеиные шкурки. И всё шло в дело.

Торговка сказками расстилала свой коврик на площади ближе к закату, когда все порядочные продавцы сворачива-

ли лотки, а покупатели торопились домой. Случалось, она неделями впустую жгла свечи, но рано или поздно, тайно или в открытую, к ней приходили люди. Грета не назначала плату – сколько не жаль отдать, столько и ладно. Она лишь просила выбрать – мешочек, шкатулку, резной сундучок. А затем, проворно двигая пальцами, собирала сюжет – из обломков желтого кирпича, веточки новогодней елки, не сверлёной жемчужины, наконечника ржавой стрелы, что убила когда-то величайшего из злодеев, халцедонов из тех, что сами собой зарождаются в мокром песке от света полной луны. Когда последний осколок хлама занимал свое место, Грета перевязывала филактерию голубой лентой и отдавала владельцу. Чтобы начать, достаточно было дернуть за шелковый кончик.

О чем получится сказка, окажется длинной или короткой, страшной или веселой – не знал никто, даже сама торговка. Насвищет ли зяблик ту колыбельную, что когда-то певала бабушка в родном доме, постучится ли в двери израненный гонец – принц, пора спасать королевство, прилетит ли дракон с Южных гор или корзинка для фруктов вдруг зацветет жасмином – случалось всякое. Бывали и недовольные, точнее, нетерпеливые покупатели – ждали принца на белом коне, а пришлось разбирать чечевицу с горохом, ждали битвы с чудовищем, а пришлось воевать с собственной тенью. У иных проходили годы, порой и десятилетия прежде, чем сказка складывалась до конца.

Покупатели попадались разные – старики и подростки (детям нет нужды покупать сказки), художники и портняжки, жулики и судебные приставы, солдаты и генералы, юные девушки и усталые вдовы. Грета слушала всех. А потом доставала свои сокровища. Или молча разводила руками, не слушая уговоров – баста, не выйдет сказки. Давным-давно она пробовала помогать и таким, полным яда и горечи людям, но сюжет распадался посередине, оставляя новые раны. Чтобы сказка случилась, нужна хоть искра живого огня.

Торговка привыкла к чужакам всех мастей. И почти не удивилась, когда бродяга в сером плаще принес ей зернышко от того самого апельсина, в котором прятался замок Пойди-не-найдешь и томилась маленькая принцесса. А потом попросил:

– Собери для себя сказку.

Грета лишь улыбнулась в ответ. Сапожник обходится без сапог, сказочник без волшебства... потому что никто не дарит ему чудес. Грета запустила руки в сокровищницу – латунная пуговица, обломок янтаря, веточка вереска, серебряный ключик с браслета, цыганский бубенец, упругое ласточкино перо. И мешочек из зеленого бархата. Бродяга уже исчез, а перетянутая голубой лентой филактерия осталась.

Иллюстрация к рассказу Макса Олина

Собрав пожитки, Грета вернулась в маленький домик, съела нехитрый ужин и допоздна просидела в саду, собираясь с силами. Но так и не смогла дернуть за шелковый кончик ленты.

Наутро в город явился бродячий цирк – гибкие, словно змеи, красавицы акробатки, силач с нафабранными усами, тощий клоун в пестром камзоле, стремительная наездница, иллюзионист с непроницаемой физиономией, щеголеватый директор, даже в жару не снимающий свой цилиндр. Циркачи натягивали шатер, бродили по базару, прицениваясь то к одной, то к другой ерунде, очаровывали девчонок и разбивали сердца мужчинам. Интересную Грету с её многослойными юбками и мешками разномастного барахла заметили акробатки, доложили директору, тот явился, почмокал губами и тут же сделал предложение. Поехать с ними – шить костюмы, продавать билеты, а заодно предлагать бол... людям свой необычный товар. Грета пожала плечами и согласилась.

Она с детства любила цирк и видела себя на арене, среди музыки, света и бесконечных аплодисментов, мечтала стать дрессировщицей, акробаткой, наездницей. Мечта сбылась, но, на удивление, в ней не было и привкуса горечи. Шить костюмы, собирать из ничего удивительные наряды оказалось до ужаса интересно. Бесстрашные и бессовестные циркачи

Грете понравились, и она им пришлось ко двору. И на арене побывала – «подставной» горожанкой, которая, визжа от ужаса, поднимается ввысь под купол, роняя зонтик, шляпку и собачонку (прямо в руки ловкачу-клоуну).

В шатре она не задержалась надолго – знатная дама увидела фантазийный наряд акробатки, устроила сцену мужу, и в тот же день удивительную портниху со всеми почестями проводили во дворец принца, одного из двенадцати отпрысков старого короля. Грете выделили трех помощниц и огромную кладовую, от пола до потолка заставленную всевозможными тканями. Любые пуговицы, бусы, перья, любая тесьма и отделка – только шей. Грета и шила – восторг сильных мира сего льстил ей.

На одном из приемов прославленную мастерицу увидел сам король. Непослушные кудри Греты, зеленые, словно морские камни, глаза и маленькие ножки в блестящих туфельках покорили вдового старика. Отговорок он слушать не захотел – свадьба через неделю. И пусть невеста сама сошьет себе подвенечный наряд!

Через три дня Грета сбежала, укрывшись в тележке подслеповатого зеленщика. За городские ворота горе-невесту вывел воришка, польстившийся на серебряное кольцо с алмадином – её последнее сокровище. Податься ей было некуда, оставалось только бродить по дорогам вместе с такими же бедолагами, хватаясь за любую работу, а порой и выпрашивая милостыню. Маленькие ножки Греты покрылись

ранами и мозолями, пышные волосы пришлось срезать. Но она не жалела – сидя с бродягами у костра, она поняла ценность корочки хлеба, поджаренной над огнем, чашки чуть сладковатого кипятка, теплой шали поверх дрожащих от холода плеч, доброй беседы, насыщающей души, если желудки пусты.

У всяких сил есть предел. Грета не выдержала долгих дождей, измученную и обессиленную её подобрал добросердечный доктор. Он не ждал особенной благодарности, но прежняя служанка перешла к новым хозяевам, и ему позарез нужна была женщина – поддерживать порядок в доме. Отлежавшись и выздоровев, Грета начала помогать спасителю – мыть полы, стирать бельё, варить фасолевый суп, печь слоеные пирожки и крохотное печенье. Доктор сам не заметил, как привязался к женщине, как приятно стало возвращаться с ночного вызова в теплый уютный дом. А когда по весне он увидел, что Грета задумчиво провожает глазами птичьи стаи, – предложил ей законный брак.

На удивление всем соседям доктор с женой зажили счастливо, даже родили двоих детей. Мальчика, кудрявого как мать и серьёзного как отец, и легконогую красавицу дочку. Грета не могла надышаться на малышей, тискала их, обнимала, не допускала ни нянь, ни кормилиц. Сама шила для деток удивительные, причудливые наряды, сама сочиняла им волшебные сказки и готовила лакомства. В уютном домике доктора не замолкали песни, не переводилась добрая еда, не

угасало веселье.

Годы шли, подрастали дети. Мальчишка на двенадцатом году нанялся юнгой – открывать дальние страны. Дочь, любимица, захотела учиться танцам и уехала в столичную школу. Доктор стал уважаемым человеком, соседи кланялись ему, снимая шляпы, и к жене его относились с почтением, даром, что чужестранка. Дни Греты были заполнены хлопотами, по ночам она крепко спала, прижимаясь к широкой спине мужа. Торговка сказками стала обычной женщиной и уверенно правила плывущей к закату лодкой. Но однажды муж нашел в спальне мешочек из зеленого бархата. И, конечно же, дернул за шелковый кончик голубой ленты.

...Ты увидишь молчаливую Грету ближе к закату, на рыночной площади, подле старого тополя. Днем она торопливо снует по городу, птичьим взглядом обшаривает мостовые и пыльные лавочки, сидит на отмели под мостом и ни с кем не беседует. А ввечеру расстилает свой ветхий ковер, ставит поллог на бамбуковых палках, зажигает четыре свечи, расставляет шкатулки и садится подле огня, скрестив ноги. Безмятежная Грета перебирает камушки и монетки, вяжет узлы из разноцветных нитей, складывает журавликов из пожелтевшей бумаги и цветы из бесчисленных лоскутков. Сказки прячутся в складках тяжелых юбок, таятся в резных сундучках, играют искрами на осколках давно разбитых зеркал. Выбери – и Грета скажет. Да. Или нет. Или может быть – сказок много, и твоя среди них тоже есть.

Лепреконы в Москве не водятся

Наталья Анискова

Наталья Анискова
5 октября 1981 г.

Кто спорит – у нормальных людей ничего эдакого не водится. У Алексея же Павловича Семёнова завёлся.

По невыясненным причинам – то ли от сырости, то ли от сухости.

Обосновался на кухне, топотал по квартире, молоточком стучал – сапожник всё-таки. Брал в холодильнике молоко, покуривал трубку, вздыхал.

Семёнов не сразу заметил, что живёт теперь не один. Он не особо обращал внимание на интерьеры.

Уходил Семёнов рано – глотал кофе до прояснения в голове и нырял в мутноватое утро, в трамвайный лязг и человеческую скученность. Проводил день среди жужжащих и взвизгивающих станков, проводов, гаек и шильдиков. Вечером Семёнов приходил, не глядя по сторонам, после холостяцкого ужина брался за отвёрточки, колёсики и прочую мелочь, и до кругов перед глазами мастерил. Он делал – нет, не делал, он создавал – модели ретро-автомобилей. Автомобили получались не просто настоящие – как живые. Они стояли на полках, готовые вот-вот мигнуть фарами, взреветь мотором и сорваться с места, чтобы нестись далеко-далеко...

Надо полагать, Семёнов долго бы ещё не замечал соседства. Однажды вечером рядом протопотало тихонько, потом за рукав дёрнули и заявили:

– Дай молоток! – Семёнов, не глядя, протянул требуемое. Через несколько минут прозвучало – Возьми!

Семёнов так же, не глядя, забрал молоток и только потом поднял глаза. Перед ним стоял, покачиваясь с пятки на носок, человек. Маленький, в полметра ростом, упитанный, бородатый, одетый во всё зелёное – и рубашку, и жилет, и штаны, заправленные в гетры. Мелкий посмотрел на Семёнова внимательно, словно убеждаясь, что тот всё разглядел, и представился:

– Джеймс О’Брайен.

– Э-э...

– Лепрекон, – добавил О’Брайен и кивнул. Подтвердил.

– Алексей Семёнов. Инженер, – только и осталось ответить Семёнову. – А вы... здесь?..

– Ненадолго. Поживу у тебя чуток, – непререкаемым тоном выдал Джеймс. После чего развернулся на каблуках и умчал из комнаты.

Семёнову и в голову не пришло возражать. Он редко возражал жизни – складывается, значит, складывается. В своё время у Алексея сложилось закончить электротехнический факультет и устроиться инженером. Сложилось жениться на однокурснице и развестись на ровном месте – когда Лара ни с того, ни с сего сказала: «Ухожу от тебя». Сложилось не спиться от отчаяния, потому что некогда и не с кем – друзья успели рассосаться раньше. Сложилось к сорока годам превратиться в почти не помятого гражданина заурядной сероглазой и русоволосой среднерослой внешности. Ну а теперь сложилось так, что сам собой завёлся лепрекон. Почти до-

мовой, только покрупнее.

Следующим вечером О'Брайен поджидал на кухне – на столе красовалась пыльная бутылка с неразборчивыми надписями. На вопросительный взгляд Семёнова лепреккон ответил:

– Давай хоть познакомимся толком.

Джеймс курил трубку, рассказывал уморительные похабные анекдоты о феях, горланил гэльские песни. Семёнов пьянел потихоньку, отвечал анекдотами о поручике Ржевском, над которыми лепреккон хохотал, задрав к потолку рыжую бороду. Стены и шкафчики покачивались в дыму, которым понемногу заволокло кухню, и Семёнову было уютно, как давно не бывало. Засыпая, он подумал: «Лепреккон – это даже хорошо, даже очень...»

Так они и стали жить дальше. Семёнов приходил и мастеририл, Джеймс иногда присоединялся и тачал какую-то мелкую обувь. Соседи молчали, перекидывались иногда парой слов, курили...

Как-то вечером Семёнов явился домой и обнаружил на диване бледного, растрёпанного лепреккона.

– Помираю, – клацнул зубами Джеймс и добавил несколько слов на незнакомом языке – видимо, по-ирландски.

– Я тебе помру, – процедил Семёнов и двинул на кухню – там в шкафчике затаилась аптечка.

Градусник показал тридцать девять. Семёнов уложил Джеймса, укутал одеялом и принялся искать аспирин. Леп-

рекон кое-как проглотил таблетку и затих. Вскоре забор-мотал непонятное, лоб его покрылся испариной. Семёнов устроился в кресле напротив и взял в руки очередную модель. Затем покрутил, взглянул непонимающе и поставил на столик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.